

На правах рукописи

КОНДРАТЬЕВА Наталья Владимировна

**Словоизменение имени существительного
в удмуртском языке
(грамматические категории падежа и числа)**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Ижевск 2011

Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный консультант – доктор филологических наук
Кельмаков Валей Кельмакович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Норманская Юлия Викторовна
(г. Москва)

доктор филологических наук
Агаманов Михаил Гаврилович
(г. Ижевск)

доктор филологических наук
Лудыкова Валентина Матвеевна
(г. Сыктывкар)

Ведущая организация: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Защита состоится «5» октября 2011 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1.

Текст автореферата диссертации размещен на официальном сайте ВАК Минобрнауки России <http://vak.ed.gov.ru> и на официальном сайте ФГБОУ ВПО «УдГУ» http://v4.udsu.ru/science/avtoref_2011_06.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» (426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2).

Автореферат разослан «1» сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д. филол. наук, проф.

А. Ф. Шутов

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена структурно-типологическому исследованию узловых проблем словоизменения имени существительного в современном удмуртском языке.

Актуальность исследования. В языках агглютинативного типа одной из базовых грамматических категорий имени существительного является категория падежа, направленная на реализацию основных синтаксических потенций соответствующей части речи. Определяя характер словоизменительной парадигмы слова, категория падежа также регулирует способы внутренней организации предложения или словосочетания – способы выражения субъектно-объектных отношений и речевого распределения актанта в многоместном предложении, способы выражения глагольно-объектных, глагольно-обстоятельственных и атрибутивных связей, тип порядка слов в предложении.

Интерес ученых к выделению, описанию и осмыслению падежных форм проявляется со времен зарождения лингвистических традиций (от «Восьмикнижия» Д. Дж. П. Панини и «Поэтики» Аристотеля) до наших дней. Так, разработка принципов выделения падежных форм и анализ их семантической структуры органично вошел в круг рассматриваемых проблем отечественного языкознания конца XIX – начала XX в. и поднимался в трудах А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и др. В 30-ые годы XX века труды по теории падежа Л. Ельмслева, Р. Якобсона, А. В. де Грота положили начало исследованию грамматической сущности категории падежа как целост-

ной языковой подсистемы. Новый всплеск научного интереса к указанной проблематике возникает в связи с появлением в середине 1950-ых годов работ Е. Куриловича по падежной семантике, а также исследований американского ученого Ч. Филлмора, и, в частности, его работы «The Case for Case» (1968). Отказ от учета формальных способов выражения падежных значений и перенос анализа в плоскость «глубинных структур» и «семантических ролей аргумента» оказался весьма востребованным на этом этапе развития лингвистики, особенно американской, и породил целый ряд самостоятельных моделей «падежной грамматики»: в частности, модель Р. Джакендоффа и Дж. Грубера, основанная на тематических отношениях; модель, разработанная в рамках тагмемики; «матричная» модель В. Кука и др.

В отечественной лингвистике вопросы теории падежа отражаются в трудах Т. В. Бульгиной, В. Г. Гака, А. В. Гладкого, А. А. Зализняка, Г. А. Золотовой, С. Д. Кацнельсона, А. Е. Кибрика, Е. В. Клобукова, В. В. Мадояна, Г. П. Мельникова, И. А. Мельчука, Е. В. Падучевой, В. А. Плунгяна, Ю. С. Степанова, В. А. Успенского, С. Е. Яхонтова и многих других.

Несмотря на широкий научный интерес русской и мировой науки к теории падежа, степень изученности падежной парадигмы удмуртского языка не соответствует требованиям современной лингвистики: динамика возникновения новых направлений в области общего языкознания, изменившиеся условия функционирования удмуртского языка выдвигают новые требования к его описанию. Необходима теоретизация, углубленный анализ системы склонения исследуемого языка как с точки зрения синхронии, так и диахронии.

Другой базовой грамматической категорией системы субстан-тивного словоизменения является категория числа. В русской лингвистической традиции вопросы квантификации нашли отражение в исследованиях И. А. Бодуэна де Куртене, А. В. Бондарко, В. В. Виноградова, И. Б. Долининой, М. М. Копыленко, Л. Д. Чес-ноковой, Д. И. Эдельмана и др. К сожалению, указанная категория имени существительного в удмуртской лингвистике до сих пор остается малоисследованной и требует дополнительного

изучения как в типологическом, так и контактологическом аспектах.

Комплекс всех вышеперечисленных факторов стал основной причиной обращения автора данной диссертационной работы к исследованию грамматических категорий падежа и числа имени существительного в удмуртском языке. Среди субстантивных словоизменительных категорий вне поля зрения автора осталась категория притяжательности, которая нашла подробное описание в работе С. В. Едыгаровой «Категория посессивности в удмуртском языке» (2010).

Цель и задачи данного исследования непосредственно вытекают из перечисленных выше обстоятельств. **Целью исследования** является комплексное описание системы словоизменения (а именно: грамматических категорий падежа и числа) имени существительного в современном литературном удмуртском языке.

Для осуществления указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- проследить историю изучения грамматических категорий имени существительного в удмуртском языке;
- провести инвентаризацию морфологических средств выражения категорий падежа и числа в исследуемом языке;
- охарактеризовать синтагматический и парадигматический аспекты функционирования падежных форм в литературном удмуртском языке;
- выявить семантическую структуру членов падежной парадигмы;
- систематизировать научные труды по сравнительно-исторической морфологии имени существительного пермских языков и выявить основные пути развития падежной парадигмы удмуртского языка;
- рассмотреть грамматические способы выражения категории числа в удмуртском языке.

Объектом исследования является словоизменительная система (грамматические категории падежа и числа) имени существительного, представленная в современном литературном удмуртском языке.

В качестве **предмета исследования** выступают падежные и числовые формы имени существительного исследуемого языка.

Методы исследования. Цель и задачи данной работы, специфика исследуемого материала, ориентация на многоаспектность изучения языковых фактов определили использование в данном научном изыскании ряда исследовательских методов, среди которых основным является описательный метод. При изучении вопросов диахронического характера важным становится сравнительно-исторический метод. Привлечение лингвистических данных из родственных финно-угорских и типологически близких агглютинативных алтайских языков позволило использовать метод сопоставительного анализа. Для подтверждения объективности полученных результатов по мере необходимости привлекается метод количественного анализа. В качестве дополнительных методов применяются метод компонентного анализа, метод дистрибутивного анализа и др.

Теоретической и методологической базой данного исследования явились лингвистические труды по финно-угорскому (удмуртскому, финскому, венгерскому, карельскому, марийскому, мордовским, коми и др.), индоевропейскому, алтайскому и др. языкознанию, в частности, работы Р. Бартенс, А. В. Бондарко, Д. В. Бубриха, Г. А. Золотовой, С. Д. Кацнельсона, В. К. Кельмакова, А. Е. Кибрика, Е. В. Клобукова, Ю. П. Князева, В. И. Лыткина, Б. А. Серебренникова, И. В. Тараканова, Д. В. Цыганкина, Л. Д. Чесноковой, Ш. Чуча и др.

Основным **материалом исследования** послужили текстовые фрагменты с падежно-числовыми формами имени существительного (более 24 000 единиц), отобранные методом сплошной и частичной выборки из произведений удмуртских авторов.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые:

- представлено подробное описание системы именного словоизменения в современном удмуртском языке;
- более детально рассмотрена семантическая структура падежных форм;

- исследуется вопрос об употреблении суффикса *-гес* в морфологической структуре имен существительных;
- рассматривается явление двупадежности в современном удмуртском языке в типологическом аспекте;
- прослеживается взаимодействие различных элементов языковой системы, что позволяет установить изменения в значении и условиях употребления отдельных падежных и числовых форм с точки зрения диахронии;
- систематизируются труды отечественных и зарубежных ученых в области сравнительно-исторической морфологии пермских языков и предлагается авторская концепция развития падежной системы удмуртского языка;
- данная работа представляет собой первый опыт комплексного исследования категории падежа и числа в удмуртском языке с точки зрения ее морфологического статуса, функциональных особенностей, межкатегориальных связей и др.

Теоретическая значимость диссертации определяется ее вкладом в решение актуальных проблем современного языкознания. Проведенное исследование дает комплексное представление о системе склонения имени существительного в удмуртском языке с точки зрения синхронии и диахронии, что включает: (а) инвентаризацию морфологических маркеров падежных форм простого и притяжательного склонений; (б) определение семантической структуры и функций каждого члена падежной парадигмы, их классификацию, обобщение; (в) выявление происхождения и развития падежных суффиксов, представленных в литературном удмуртском языке. На основе всего этого производится попытка уяснить синтагматические и парадигматические отношения, представленные в системе словоизменения современного удмуртского языка, т. к. любая грамматическая категория должна рассматриваться, во-первых, в ее единичных проявлениях; во-вторых, в ее системных связях и отношениях.

Учитывая вышесказанное, можно считать, что данное диссертационное исследование вносит свой вклад в решение теоретических вопросов морфологии удмуртского и финно-угорских языков.

Практическая значимость работы заключается в том, что выводы и материалы исследования дают представление о лингвистических особенностях удмуртского языка, являются важным источником для изучения падежной парадигмы пермских языков с точки зрения синхронии и диахронии. Результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов по морфологии, исторической грамматике финно-угорских языков, при подготовке спецкурсов по проблемам общего языкознания и типологии языков; при составлении учебников и учебных пособий нового поколения по актуальным проблемам грамматики и морфологии, а также при разработке учебников удмуртского языка для иностранцев – учебников, направленных на развитие лингвистической компетенции и чувства языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Удмуртская морфология как раздел грамматики имеет более чем двухвековую историю развития. Учение о словоизменительной парадигме удмуртского языка сложилось в результате поисков форм, способных выражать значения русских падежей. Однако, в связи с привлечением лингвистических данных из родственных финно-угорских и типологически близких алтайских языков в изучение грамматической структуры удмуртского языка вносились изменения и уточнения, раскрывающие специфику исследуемого языка.

2. Система субстантивного словоизменения в удмуртском языке включает в себя категории падежа, числа, притяжательности и, в отличие от формообразования, представляет собой морфологическое изменение слов, образующее их устойчивые парадигмы.

3. Формирование большинства морфологических маркеров членов падежной парадигмы удмуртского языка и их ведущих семантических функций относится к общепермскому языку-основе. Основным рычагом к образованию новой словоизменительной системы в пермских языках, по-видимому, следует считать возникновение в общепермский период омонимичных падежных форм, появившихся в результате выветривания консонантных суффиксов (аккузативного *-*m*, лативного *-*k(V)*, аблативного *-*t(A)*), которое,

в свою очередь, было обусловлено массовым отпадением конечных гласных основы (слова).

4. Выявление семантических функций падежных форм и определение направления их развития позволяет не только объяснить многие особенности функционирования падежей в современном удмуртском языке, но и в ряде случаев прогнозировать дальнейшее развитие тех или иных языковых процессов.

5. Для системы современного удмуртского языка характерно наличие явления двупадежности, сущность которого заключается в образовании падежных форм не от основы слова, но от какой-нибудь падежной формы. Его функционирование поддерживается такими лингвистическими явлениями, как: (а) эллипсис; (б) инверсия; (в) парцелляция.

6. Суффикс *-ges* в морфологической структуре имени существительного используется для: (а) указания на неполную степень проявления субъектно-объектных, пространственно-временных и др. характеристик действия; (б) для выражения субъективной модальности, при котором актуализируется эмоционально-волевое отношение говорящего лица к предмету сообщения.

7. В зависимости от соотношения грамматических и семантических значений, категория числа в литературном удмуртском языке может рассматриваться как бинарное противопоставление единичности/множественности или дискретности/континуативности, а также как тернарное противопоставление единичности/множественности и неисчисляемости.

Апробация результатов исследования. Основные положения данного диссертационного исследования были представлены в форме докладов и сообщений и стали предметом обсуждения на более чем 30 международных, всероссийских, межвузовских, региональных научных и научно-практических конференциях в период с 1999 по 2011 годы в Москве, Петрозаводске, Сыктывкаре, Йошкар-Оле, Тюмени, Чебоксарах, Перми, Кудымкаре, Ижевске, а также в Хельсинки (Финляндия), Турку (Финляндия), Выру (Эстония), Сегеде (Венгрия) и др., в том числе на X (Йошкар-Ола, 2005) и XI (Пилишчаба, 2010) Международных конгрессах финно-угроведов. Фактический материал исследования используется при

чтении лекций и проведении практических занятий на факультете удмуртской филологии Удмуртского государственного университета.

Основные выводы и идеи диссертации нашли отражение в монографиях «Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта)» (12 п.л.), «Категория падежа имени существительного в удмуртском языке» (12,7 п.л.) и «Формирование падежной системы в удмуртском языке» (8,3 п.л.), а также в 41 публикации по теме исследования, в том числе 9 статей опубликовано в изданиях, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка условных сокращений, перечня источников, списка использованной литературы. В первой главе представлена история изучения вопроса и определены теоретические положения, на которых базируется решение исследовательских задач. В последующих главах проводится анализ отобранного эмпирического материала с учетом системного подхода к изучению языковых единиц, предполагающего парадигматический и синтагматический аспекты изучения отношений между знаками. Список использованной литературы включает 479 наименований, куда вошли научные труды отечественных и зарубежных авторов. Общий объем диссертационного исследования составляет 540 страниц.

Содержание работы

Во **Введении** раскрывается актуальность темы исследования, определяются цель и задачи работы, обосновывается выбор основных методов и источников исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, даются сведения об апробации ее результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**История изучения грамматических категорий имени существительного в удмуртском языкознании**» прослеживается история развития удмуртской морфологии с точки зрения исследуемого вопроса.

Современное состояние изучения грамматических категорий имени существительного сложилось в результате более чем двухвековой истории развития удмуртской морфологии. Формирование лингвистических традиций описания удмуртского языка принято связывать с экономическо-политическим подъемом в России XVIII века, а также с развитием идеи европейского Просвещения, включавшей в себя народоведение как часть общей программы рационального познания мира. В его основе лежат три работы: подготовленная под руководством митрополита В. Г. Пущек-Григоровича и изданная в Санкт-Петербурге первая грамматика удмуртского языка под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (1775); рукописная грамматика М. Могилына «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» (1786), удмуртская грамматика И. Мышкина (1795), рукопись которой пока еще не введена в научный оборот. Появление данных грамматик имело не только важный культурно-исторический резонанс, но и позволило сформировать языковедческое обоснование зарождавшегося лингвистического учения, которое выразилось: (а) в разработке специальной проблематики языкознания; (б) в определении объекта исследования; (в) в оформлении форм и методов лингвистических традиций и др.

Как показывают структура и содержание грамматик этого периода, учение о словоизменительной системе удмуртского языка сложилось в результате адаптации традиций составления описательных грамматик русского языка применительно к удмуртскому. Так, для системы склонения исследуемого языка авторами работы «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (1775) выделяется шесть членов парадигматического ряда: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и звательный падежи (хотя, следует отметить, что уже здесь фактически представлено семь падежных форм, т. к. в качестве морфологических маркеров родительного падежа выделяются суффиксы *-лэн* и *-лэсь*, которые с позиций современных грамматических традиций являются формантами родительного и разделительного падежей соответственно). Иные падежные маркеры (в современном литературном языке выделяется 15 падежей) ошибочно отнесены к дру-

гим языковым явлениям – предложениям, наречиям, словообразовательным суффиксам и др. Однако, с развитием филологической мысли в изучение грамматической структуры удмуртского языка, и, в частности, в учение о грамматических категориях отдельных частей речи, вносились изменения и уточнения, раскрывающие лингвистические особенности исследуемого языка.

XIX век в истории удмуртской лингвистики ознаменовался началом нового этапа развития науки о языке. Целая плеяда известных зарубежных финно-угроведов (Х. К. Габеленц, Ф. Й. Видеманн, Т. Г. Аминофф, Ю. Вихманн, Д. Р. Фокош-Фукс и др.) посвятили свои исследования изучению теоретических и практических вопросов удмуртского языкознания. Характерной особенностью лингвистических трудов этого периода стало сравнительное изучение фактов и явлений удмуртского языка с данными родственных финно-угорских, а иногда и неродственных, но типологически сходных алтайских языков. В области изучения грамматических категорий имени существительного основное внимание было направлено на установление количественного состава падежной парадигмы. В отличие от грамматик XVIII в., в работах зарубежных авторов XIX в. последовательно выделяется простое и притяжательное склонение имени и разграничивается от 11 до 17 падежных форм, что значительно ближе к истине. Особенностью работ исследуемого периода стало также выявление семантических и синтаксических функций удмуртских падежей в синхронно-типологическом и диахроническом аспектах, вопросы функционирования морфологических маркеров множественного числа в структуре имен существительных и др.

В конце XIX – начале XX в. к исследованию теоретических проблем удмуртского языкознания подключились и отечественные лингвисты: Г. Е. Верещагин, П. П. Глезденев, И. В. Яковлев, П. Д. Горохов, А. И. Главатских, А. И. Емельянов, С. П. Жуйков и др. К сожалению, несмотря на то, что к концу XIX в. в трудах зарубежных авторов уже были заложены научные традиции изучения грамматических категорий имени существительного, исследователи удмуртского языка 1920-х гг. вновь вернулись на исходные позиции и во главу угла своих работ ставили проблему уста-

новления количества членов падежной парадигмы, вопросы функционально-семантической характеристики падежных форм, а также проблемы терминологии, касающейся исследуемых грамматических категорий. Традиционные обзоры склонения имен существительных в работах отечественных лингвистов этого периода сводятся к следующим типам описей: (а) приведение списка падежей, являющихся членами падежной парадигмы удмуртского языка; б) фиксация перечня их морфологических маркеров; в) описание перечня семантических функций, свойственных каждому отдельному падежу в различных контекстах, в которых он встречается. В основе разграничения типов склонения в работах отечественных лингвистов исследуемого периода лежат два принципа: (а) одни исследователи (в частности, П. Д. Горохов, С. П. Жуйков, А. А. Поздеева) в качестве основания для разграничения типов склонения в удмуртском языке отмечают лексико-семантическую характеристику имен по признаку одушевленности/неодушевленности, (б) другие ученые (в частности, Г. Е. Верещагин, И. В. Яковлев, А. И. Емельянов и др.) важным признаком для разграничения типов склонения считают наличие/отсутствие в структуре имени существительного лично-притяжательных суффиксов. Последний принцип получил более широкое распространение в научной литературе и лег в основу современных грамматических исследований.

20–26 марта 1937 г. в г. Ижевске состоялась Первая республиканская языковедческая конференция, посвященная обсуждению ряда важных вопросов в области удмуртской морфологии, терминологии, орфографии и переводческой деятельности. Озвученный на данной конференции доклад В. И. Алатырева о падежной парадигме удмуртского языка, а также его печатный вариант положили конец дискуссиям о количественном составе системы склонения удмуртского языка и ее типах. Так, на сегодняшний день в парадигме склонения литературного удмуртского языка принято выделять 15 падежей.

Смена научной парадигмы в решении актуальных вопросов удмуртского языкознания происходит во второй половине XX в. Основными характеристиками современного этапа развития науки

о языке становятся повышение научного уровня удмуртской лингвистики, смыкание теоретических отраслей языкознания с прикладными, а также смыкание отечественной и зарубежной традиций исследования системы удмуртского языка. С точки зрения изучения грамматических категорий имени существительного, современное языкознание характеризуется подходом к языку как системе, явлению структурном и подвижном. Здесь рассматриваются вопросы как диахронического (Б. А. Серебренников, В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина, К. Е. Майтинская, Ш. Чуч, К. Редеев, Р. Бартенс, А. П. Юдакин, И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, Г. А. Некрасова и др.), так и описательно-типологического характера (И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, Г. А. Ушаков, Р. Ш. Насибуллин, А. Ф. Шутов, Б. И. Каракулов, Л. Л. Карпова, С. Г. Конева, Г. А. Некрасова и др.).

Вторая глава «**Категория падежа имени существительного в системе современного удмуртского языка**» состоит из четырех разделов.

В первом разделе «*Краткий экскурс в развитие теории падежа*» поднимаются вопросы общетеоретического характера. Здесь прослеживается краткая история вопроса от «Восьмикнижия» Дж. Д. Панини и «Поэтики» Аристотеля до глубинных падежей Ч. Филлмора, теория которого породила целый ряд самостоятельных моделей падежной грамматики, в частности, модель Р. Джакендоффа и Дж. Грубера, основанная на тематических отношениях; модель У. Чейфа; модель, разработанная в рамках тагмемики В. Кука; модель, основанная на правилах зависимости Дж. Андерсона и др.

Изучение основных направлений развития теории падежа в лингвистике позволяет выделить ряд концепций в определении сущности изучаемого понятия, среди которых в качестве ключевых можно выделить следующие подходы: (а) парадигматический (или морфологический); (б) синтагматический (или синтаксический); в) логико-семантический; (г) системно-функциональный. В основе каждой концепции лежат свои основополагающие критерии в определении понятия падежа.

В рамках нашего диссертационного исследования мы следуем за определением Е. В. Чешко, который, опираясь на бинарный характер исследуемой категории, подчеркивает: «если по своей структуре падеж является морфологической категорией, то по своей функции в речи он может быть определен как синтаксическая категория, т. е. такая, которая служит для выражения связи между словами в словосочетаниях (синтаксическая функция падежа) и, соответственно, отношений между понятиями, обозначаемыми этими словами (семантическая функция падежа)¹». Таким образом, каждая падежная форма: (а) имеет свое морфологическое выражение; (б) обладает определенным набором значений, реализуемых в контексте; (в) выражает определенные синтаксические отношения и (г) выступает в характерных для него синтаксических функциях.

Во втором разделе «*Падежная парадигма имени существительного в современном удмуртском языке*» приводится описание каждого члена падежного ряда с точки зрения его морфологического оформления и семантической структуры.

Система склонения литературного удмуртского языка представлена 15 членами парадигматического ряда, которые по основному значению формально подразделяются на субъектно-объектные: именительный (-*ø*), винительный (-*ез/-эз*, -*е/-э*, -*ес/-эс*; -*ø*; -*ты/-ды*, -*ыз* и др.), родительный (-*лэн*), разделительный (-*лэсь*), дательный (-*лы*), творительный (-*ен/-эн*, -*ын*, -*н*, -*ены/-эны*, -*ыны*), лишительный (-*тэк*), соответственный (-*я(-)*); и пространственные: местный (-*ын*, -*н*, -*ø*, -*лан*, -*а/-я*), входный (-*е/-э*, -*ы*, -*ø*, -*ла*, -*а/-я*), исходный (-*ысь*, -*сь*, -*лась*, -*ысьты/-сьты*), отдалительный (-*ысен*, -*сен*, -*ласен*, -*ысены/-сены*), переходный (-*етй/-этй*, -*ытй*, -*тй*), предельный (-*озь*, -*озя*), направительный (-*лань*) падежи. В парадигме склонения современного удмуртского языка следует разграничивать простое и притяжательное склонение.

Количественный состав падежей в удмуртских диалектах различен и варьируется от 12 до 21. Минимальное количество членов системы словоизменения представлено в периферийно-южных и

¹ Чешко, Е. В. История болгарского склонения [Текст] / Е. В. Чешко. – М.: Наука, 1970. – С. 20–21.

некоторых южных говорах, где уменьшение количества парадигматического ряда происходит за счет замещения адвербиальных и аппроксимативных форм послеложными конструкциями, в частности, одним из говоров с минимальной падежной парадигмой является красноуфимский говор, где помимо падежа аппроксиматив отсутствует и элативный падеж, функциональная нагрузка которого передается формами пролатива: *шо карти Ёктиж* 'он вернулся из города Красноуфимска'².

В отдельных северных говорах и бесермянском наречии, напротив, количество падежей увеличилось до 21 за счет возникновения новой серии приблизительно-местных падежей с маркером *-н'* (< *дин'* 'у, около, при, возле'), препозитивно присоединяемого ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (*-лань*). В отличие от обычных пространственных падежей, новая серия локальных форм на *-н'* указывает на нахождение или действие по отношению к конкрет-ному месту, к конкретному лицу, например, среднечепецкое: *нь-льди'э* 'к твоей дочери', *пийээн'ьс'* 'от его сына' и др.³

Типологически система склонения имен существительных в современном литературном удмуртском языке характеризуется следующими основными чертами:

² Пример из: *Насибуллин, Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов [Текст] / Р. Ш. Насибуллин // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 96–97.

³ См. об этом: *Карпова, Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи [Текст] / Л. Л. Карпова. – Ижевск, 2005. – С. 61; *Кельмаков, В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография [Текст] / В. К. Кельмаков / Удм. гос. ун-т. Каф. общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – С. 117.

- имя в именительном падеже единственного числа совпадает с его основой и является исходной формой при образовании косвенных падежей (*корка* 'дом': *корка-ез* (аккузатив), *корка-лэн* (генитив), *корка-лэсь* (аблатив), *корка-лы* (датив) и т. д.;

- падежные формы всех имен существительных, характеризующихся категорией склонения, образуются при помощи одних и тех же суффиксов. Некоторые из этих суффиксов могут выступать в различных фонетических вариантах в зависимости: (а) от типа склонения (*эш-ен* 'с другом/подругой' ~ *эш-ены-м* 'с моим другом/с моей подругой'); (б) дистрибутивных особенностей словоформы на морфонологическом уровне (*ураметй* 'по улице' ~ *китйз* *кутйз* 'взял(а) за руку'); (в) от ауслаутной огласовки первичного корня (например: *пиен* 'с мальчиком' ~ *нылын* 'с девочкой') и др.;

- границы падежных суффиксов в составе слова не нарушаются, вследствие чего они обладают относительно бóльшей самостоятельностью, чем при фузионном способе соединения морфем;

- падежный суффикс в составе словоформы выражает одно категориальное значение, причем во множественном и в единственном числе используются одни и те же падежные морфемы (иногда в различных морфонологических огласовках). Значение множественности выражается особым суффиксом *-ос/-ёс*: *гурт-ын* 'в деревне' ~ *гурть-ёс-ын* 'в деревнях';

- в парадигме склонения современного удмуртского языка следует разграничивать простое и притяжательное склонение. При притяжательном склонении в морфологической структуре слова наряду с падежными аффиксами (которые иногда представлены в иных, чем в случае простого склонения, морфонологических огласовках) присутствуют аффиксы принадлежности, которые содержат указание на количественные характеристики обладателя(ей) и предмета(ов) обладания: *гурт-ын* 'в деревне' ~ *гурть-ёс-ын* 'в деревнях'; *гурт-а-м* 'в моей деревне' ~ *гурть-ёс-а-м* 'в моих деревнях'; *гурт-а-мы* 'в нашей деревне' ~ *гурть-ёс-а-мы* 'в наших деревнях';

- с точки зрения синтагматики, в структуре одной словоформы могут присутствовать до двух падежных маркеров: *гурт-ын-лэсь тросгес уждун* 'зарплата выше, чем в деревне', *гур-ысь-*

с-э шаньгиез верьяны ‘попробовать шаньги, [испеченные] в печке’. Однако, словоизменение имен существительных (а также местоименных форм) в условиях двойного склонения чаще всего представлено дефектными парадигмами и имеет невысокую частотность употребления, что вызвано особыми условиями дистрибуции (см. об этом ниже).

Каждый из членов системы склонения обладает своим набором семантических функций. В данном разделе диссертационного исследования большое внимание уделяется описанию семантической структуры каждого из членов парадигматического ряда. Как показали примеры из удмуртской художественной литературы, максимальной широтой семантической структуры обладают дательный, творительный и разделительный падежи.

Распределение семантических функций между членами парадигматического ряда в удмуртском языке формировалось под влиянием как интралингвистических, так и экстралингвистических факторов. Доказательством этого может выступать наличие падежной синонимии, которое формируется: (а) между падежными формами; (б) между падежными и словообразовательными суффиксами; (в) между падежными формами и послеложными конструкциями. В частности, первый тип синонимических отношений может быть представлен в бинарной оппозиции: *иллатив ~ инессив*, формирующейся при выражении темпоральных значений: *Яблокнуос нош, доразы отьыса сямен, со аре трос яблок сёттйзы*. ‘А яблони, словно притягивая к себе, в том году дали богатый урожай яблок’ ~ *Со вал 1910 арын*. ‘Это случилось в 1910-м году’.

Второй тип синонимических отношений может быть представлен, к примеру, следующей оппозицией: морфологический маркер инструментал ~ словообразовательный суффикс *-о/-ё*: *Кемалась овёл соослы сёттйллям кык комнатаен усто квартира*. ‘Недавно им выделили отличную двухкомнатную квартиру’ ~ *Пукиськом ми Владимир но Людмила Котляровъёслэн вить комнатаё квартираязы*. ‘Мы находимся в пятикомнатной квартире Владимира и Людмилы Котляровых’.

Третий тип падежной синонимии формируется, в частности, на основе параллельного использования падежных и послеложных конструкций: *Оло цапак соослэн **пытъы** кузязы нуллэ монэ Людмила Ивановна?* ‘Может быть как раз по их [Эсмеральды и Квазимода] следам водит меня Людмила Ивановна? ~ *Мынйз пытьы**етйз**, нош кечез тѣпак ышиз.* ‘Он шёл по следу, а заяц совсем исчез [из виду]’.

Проблема падежной синонимии определяется межкатегориальными связями в грамматической структуре языка. В удмуртском языке в качестве основных причин возникновения данного лингвистического явления можно назвать: (а) перераспределение семантических значений падежной формы, (б) изменения (сужение, расширение), касающиеся семантической структуры вербальной единицы; (в) интерференция соседствующих языков.

В третьем разделе «*Явление двупадежности в современном удмуртском языке*» поднимаются вопросы дистрибуции двух падежных маркеров в морфологической структуре одной словоформы, например: *Нош Татьяна Ильинична-лэн-эз-лы [нылызлы] эмъямзы иназ ѓз мыны.* ‘А для [дочери] Татьяны Ильиничны лечение не пошло на пользу’; *Марым, чечы сюс-ен-з-э вай.* ‘Того, мед принеси тот, который в сотах (букв. с сотами)’. В современной алтаистике проблема двупадежности подробно раскрывается в исследованиях В. И. Сергеева, Н. Н. Убушаева, М. Н. Орловской и др. В удмуртском языкознании данное лингвистическое явление до сих пор не было предметом специальных научных изысканий.

Проанализировав примеры из художественной литературы на предмет сочетаемости падежных маркеров в структуре одной словоформы, были сделаны следующие выводы:

а) практически все формы двойного склонения имеют дефектную парадигму, что обусловлено категориями логико-семантического порядка. Полную парадигму склонения (в данном случае мы опускаем формы именительного падежа, поскольку указанная падежная форма характеризуется наличием нулевого показателя, и, в таком случае, только при построении всей парадигмы словоизменения можно восстановить формы именительного падежа), по-видимому, можно выстроить только для генитивной произво-

дящей основы: *Суйёсыз [Лагуненколэн] кышномурт-лэн-лы кельшо*. ‘Руки [Лагуненко] похожи на женские (букв. женщины)’; *Таоссэ нокызьы уд шошаты Андрей-лэн-эны-з*. ‘Эти [письма] никак не сравнить с [письмами] Андрея’. Дистрибутивные возможности генитивной производящей основы ярко проявляются и при словоизменении местоименных основ, например: *Тазьы учконо ке, Вероникалы кадь со [Юберов] дасоосын операциос лэсьтйз ни, солэн-лэсь но шугъёсыз вал*. ‘Если так посмотреть, таких операций, как Веронике, он [Юберов] уже делал десятки, были даже сложнее, чем у нее’; *Кайсин куддыр дышетскисьёслы солэсь суредьёссэ соос-лэнь-ёс-ыны-з шошатыса вералляз-возьматъялляз*. ‘Иногда Кайсин его рисунки показывал другим ученикам, сравнивая с их [рисунками]’;

б) другими относительно активными производящими основами в образовании двойного склонения в удмуртском языке являются формы разделительного и творительного падежей: *Кузедбай Герд-лэсь-ёс-с-э гинэ оз лээлэ*. ‘Только [произведения] Кузедбая Герда не разрешали [читать]’; *Нокинлы вазиськыны, юрттэт курьыны, одйг малпан-оскон гинэ йыраз чуртнаськиз: пычал-энь-ёс-ын шош кариськоно, агайзэ шедьтоно*. ‘Не к кому обратиться, не у кого попросить помощи, одна мысль закралась в его голову: надо [ему] пойти вместе с теми, у кого есть ружья, надо найти старшего брата’;

в) среди пространственных падежей в случае двойного склонения в качестве производящей основы чаще всего выступают те формы, которые характеризуются более высокой дистрибутивной нагрузкой и, следовательно, более высоким уровнем абстракции (в этом ряду исключение составляет падеж иллатив, для которого характерна невысокая частотность словоупотреблений в качестве производящей основы): *Пырисько Двореце: шундые-куазе, тыпы ёсьёс черк-ын-лэсь устоесь!* ‘Захожу во Дворец: о боже! дубовые двери [здесь] даже лучше, чем в церкви’; *Городын гужем уйёс но гурт-ын-лэсь воксё мукетэсь*. ‘В городе даже летние ночи другие по сравнению с деревенскими (букв. чем в деревне)’; *Гуртысь пинальёслэн огзылэн но солэсь олоқыце ик пёртэм ой вал, райцентр-ысь-ёс-ыз-лэн гинэ пёртэмгес вал*. ‘[Одежда] деревенских детей

ничем не отличалась [от его одежды], а у райцентровских (букв. у тех, кто из райцентра) [она] была несколько иной'. Особенностью употребления пространственных падежей в функции производящей основы при двупадежности, по-видимому, является то, что чаще всего они склоняются только по субъектно-объектным падежным формам; более широкую парадигму (но тоже без участия всех пространственных падежей) допускает падеж элатив.

Явление двупадежности характеризуется невысокой дистрибутивной нагрузкой, что обусловлено особыми условиями его функционирования. В качестве последних можно назвать такие лингвистические явления, как: а) эллипсис, б) инверсия, в) парцелляция.

В четвертом разделе «Дистрибуция суффикса *-гес* в морфологической структуре имени существительного» рассматривается функциональная нагрузка и особенности употребления указанного суффикса в рамках исследуемой части речи, например: *Ачим но махорка-лы-гес дыши ини, котьку сигарет басьтыны коньдон уг тырмы, но куд-ог дырья ческытсэ верьям потэ*. 'Я и сам больше к махорке привык, денег не всегда хватает, чтобы купить сигареты, хотя иногда хочется покурить хорошие [сигареты] (букв. хочется попробовать хорошие)'; *Кызьы ке озьы луиз: ваньмон дырзэс Яша-ен-гес куинь кузя ортчытъяло*. 'Как-то само собой получилось: свое свободное время [они] проводят чаще с Яшей втроем'; *Коньдон но Володя ки-ын-гес возиськыліз*. 'И деньги чаще хранились у Володи (букв. на руках у Володи)'. Как показали примеры из художественной литературы, суффикс *-гес* в морфологической структуре имени существительного может употребляться:

а) для выражения неполной степени проявления субъектно-объектных, пространственно-временных и других характеристик действия, например: *Водопроводэз но Кирла кышно-ез-лы-гес луыса ас коркаезлы матэ кыскытіз*. 'И водопровод Кирла попросил протянуть поближе к своему дому большей частью из-за своей жены'; *Будііз пияш, вань эшъёсыз сямен ик – урам-ын-гес*. 'Рос мальчик, как и все его товарищи – большей частью на улице'. Ис-

ходная форма существительных (или формы без показателя *-гес*) в этом контексте указывает на степень проявления качества по отношению к типичной норме проявления этого признака, в связи с чем соотносится с абсолютной нормой. Следует однако заметить, что норма в этом отношении для любого признака субъективна и ситуативно обусловлена;

б) для выражения субъективной модальности, при котором обозначается эмоционально-волевое отношение говорящего лица к предмету сообщения: *Кышномурт кышномурт-гес ик, солэн бёрдон ымдур-а-з-гес, куректон-кайгу кыл йылаз*. 'Женщина – это все же женщина, ее легко довести до слез (букв. плач у нее на губах), она делится своими печалью (букв. печаль-кручина у нее на языке)', или вносится дополнительный оттенок предположения, допущения: *Сюанмы ресторан-ын-гес луоз*. 'Нашу свадьбу, скорее всего, сыграем в ресторане (букв. 'Наша свадьба, скорее всего, в ресторане будет)'

Третья глава «**Происхождение и развитие падежных маркеров современного удмуртского языка**» посвящена вопросам диахронического характера.

Падежные маркеры, представленные в системе словоизменения литературного удмуртского языка и его диалектах, можно классифицировать:

а) по времени происхождения морфологического маркера: суффиксы финно-пермского происхождения ~ суффиксы общепермского происхождения ~ суффиксы, возникшие в период самостоятельного развития удмуртского языка;

б) по характеру морфемного состава падежного маркера с учетом диахронии: простые (= однородные) падежные суффиксы и составные падежные суффиксы. В этом случае важным признаком становится наличие/отсутствие контаминационных процессов между двумя или более падежными суффиксами, имевшее место в диахронии.

Система склонения пермских языков значительно отличается от падежной парадигмы финно-пермского языка-основы, для которого большинство исследователей реконструирует шесть паде-

жей: номинатив, аккузатив, абессив, латив, локатив, аблатив. С нашей точки зрения, рычагом к формированию новой словоизменительной парадигмы пермских языков является процесс отпадения конечных гласных, что повлекло за собой выветривание оставшихся в ауслаутной позиции согласных. В результате данного процесса, с точки зрения морфологического выражения, образовались омонимичные формы, что привело к нарушению морфологического противопоставления субъектно-объектных отношений, а также лативных и аблативных ориентаций. Все это в своей совокупности, с нашей точки зрения, стало важным толчком для перестройки всей системы словоизменения в грамматической структуре общепермского праязыка.

По-видимому, для того, чтобы восполнить утраченные элементы системы языка, в зависимости от семантического ядра, формирование новых падежных форм шло в нескольких направлениях:

а) с одной стороны, система языка требовала разграничения субъектно-объектных отношений, в связи с чем началось формирование новых аккузативных маркеров, формы единственного числа которых сложились на базе притяжательного суффикса 3-го лица и первоначально имели также определительно-выделительное значение.

Одним из первых к проблеме изучения генезиса аккузативных маркеров в пермских языках подошел финский исследователь Ю. Вихманн⁴. С точки зрения ученого, в истории развития формантов исследуемого падежа в пермских языках следует выделить три этапа, где для первого этапа характерно функционирование уральского аккузатива на *-*m*; второй этап характеризуется утратой древнего аккузативного форманта и употреблением конечных гласных основы (коми -*e*, -*e*, удм. -*e*) в качестве аккузативных маркеров (в рамках литературного языка наиболее последовательно они сохранились в системе словоизменения местоименных форм: *монэ* 'меня', *тонэ* 'тебя', *кинэ* 'кого' и др.). На третьем этапе в целях устранения омонимии аккузативного и иллативного

⁴ *Wichmann, Y. Zur permischen grammatik* [Текст] / Y. Wichmann // FUF. – 1923–1924 (XVI). – S. 160.

маркеров в пермских языках появляются специальные аккузативные показатели. Проблемы формирования и развития аккузативных показателей исследуются также в работах Т. Уотилы, А. И. Емельянова, В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной, Б. А. Серебренникова, Р. Бартенс, Ш. Чуча и др.;

б) с другой стороны, система языка не могла обойтись без таких важнейших типов ориентации, как латив, актуализирующий перемещение объекта к пространству, связанному с ориентиром и элатив, маркирующий перемещение объекта из пространства, связанного с ориентиром. Компенсировав утрату финно-угорского аблативного **-t(V)* близким по значению словообразовательным суффиксом *nomes possessi & nomen possessoris*⁵ на *-ś*, система общепермского языка определила основные тенденции дальнейшего развития падежной парадигмы пермских языков. А именно: учитывая, что элативная ориентация нашла свое морфологическое выражение, отпала необходимость в грамматическом оформлении падежа иллатив, в связи с чем в результате переразложения морфемного шва ауслаутные гласные основы приняли падежное значение⁶;

в) несмотря на то, что дистинктивные функции омонимичных падежей были восстановлены, кажется возможным, что начавшиеся изменения повлекли за собой еще ряд преобразований. Так, в результате поиска форм морфологического выражения объектных значений, в грамматической структуре общепермского языка начинает складываться (но не формируется до отдельной грамматической категории) лексико-грамматический разряд лица/нелица (одушевленности/неодушевленности). В качестве его реликтовых

⁵ Об особенностях протекания данного процесса см. подробнее: Rédei, K. Üder die Herkunft des permischen Elativsuffixes [Текст] / K. Rédei // СФУ. – 1981. – № 4 (XVII). – S. 279–284.

⁶ Для современного финно-угроведения общепризнанным является гипотеза о происхождении морфологических маркеров иллатива в пермских языках в результате переразложения морфемного шва, протекавшего после выветривания финно-угорского (уральского) лативного **-k(V)* (см. об этом, в частности, исследования Й. Синнеи, В. И. Лыткина, Б. А. Серебренникова, К. Редеи, Г. А. Некрасовой и др.).

явлений в современных пермских языках, по-видимому, остались: тенденция к морфологической маркировке объектов, относящихся к лексической группе одушевленных; разграничение инструментальных и локативных значений на базе первичного локативного суффикса **-n(V)* и др. Кажется возможным, что именно в этом контексте начинают формироваться *l*-овые падежи, которые образовались в результате слияния двух падежных маркеров: адессив *< *-la + *-na/*-nä-*локатив, аблатив *< *-la + *-ś-*аблатив, аллатив *< *-la + *-k-*латив и аппроксиматив *< *-la + *-ń-*латив.

В научной литературе проблема определения *l*-ового элемента и времени его происхождения в структуре указанных падежных маркеров представляет одну из сложнейших проблем диахронического финно-угроведения. Ряд ученых (в частности, Б. А. Се-ребренников, Д. Дечи, П. Алвре и др.) данный коэффикс рассматривает в качестве древнего падежного показателя; по мнению других ученых (в частности, О. Доннера, Й. Буденца, М. Корхонена, К. Е. Майтинской, Г. А. Некрасовой и др.), исследуемый формант следует возводить к словообразовательному суффиксу с пространственным значением. Имеется также ряд работ, в которых *l*-овый элемент по своему происхождению возводится к самостоятельной лексеме (см. в частности, труды Э. Лённрута, Б. А. Серебренникова, М. Корхонена и др.). В нашей работе, опираясь на отсутствие реликтовых явлений древнего *l*-ового падежа, а также по-слелога или лексемы с идентичным значением в пермских языках, исследуемый коэффикс рассматривается как *l*-овый деривационный элемент с пространственным значением.

Что касается проблемы хронологизации процесса возникновения и развития *l*-овых падежей в пермских языках, по этому вопросу также представлено несколько точек зрения. Так, ряд ученых (в частности, М. Кёвеша, Д. Дечи, В. Таули и др.), приводя в качестве основного доказательства наличие *l*-овых падежей в большинстве современных угорских и финно-пермских языков, исследуемые падежи относят к прафинно-угорскому периоду. Учитывая грамматическую и семантическую неоднородность *l*-овых падежей в угорских и финно-пермских языках, другие ис-

следователи (например, М. Кастрен, Й. Синнеи, Ю. Вихманн, М. Корхонен и др.) приходят к мысли об автономном развитии исследуемых падежей как в угорской, так и в финно-пермской группах языков. В последнее время преобладает третья точка зрения, согласно которой *l*-овые падежи прибалтийско-финских, марийского и пермских языков образовались независимо друг от друга в каждой языковой группе путем параллельного развития (см. в частности, исследования П. Равилы, Э. Пайусалу, Г. А. Некрасовой и др.);

г) наметившаяся тенденция к разграничению субъектно-объектных и пространственных падежей, по-видимому, способствовала размежеванию инструментальных и инессивных значений уральского локативного суффикса **-na/*-nä*, на базе которого в общепермский период формируются творительный и местный падежи (см. об этом, в частности, исследования Д. Фокош-Фукса, Э. Беке, Б. Коллиндера, К. Редери, Р. Бартенс, Ш. Чуча, Г. А. Некрасовой и др.). О возможности генетической связи местного и творительного падежей говорят и примеры из некоторых финно-угорских языков, в частности, в финском языке на основе локативного суффикса **-na/*-nä* развились падежи комитатив и инстректив. Как подчеркивает Б. А. Серебренников, связь *n*-ового локатива с творительным падежом прослеживается также в хантыйском, ненецком, марийском и некоторых саамских языках. К аналогичным выводам на материале саамских, финского, пермских, марийского и обско-угорских языков приходит в своей работе Й. Беронка;

д) другим центром (помимо *l*-ового компонента) преобразований в системе словоизменения общепермского языка продолжал оставаться новый элативный суффикс *-2ś*, который, по-видимому, по аналогии с *l*-овыми падежами стремился создать свою серию падежных форм и способствовал возникновению оппозиционной пары отдалительного и предельного падежей. В качестве второго элемента эгрессивного маркера удм. *-2śen* ~ к.-з. *-śań* в научной литературе представлены различные точки зрения, в частности, ученые соотносят его либо с эмфатической частицей (Й. Буденц), либо с финно-пермским суффиксом инструментала

(Т. Г. Аминофф), либо с финно-угорским лативным **-ń* (М. Кас-трэн, Э. Васои, П. Хайду, Т. И. Тепляшина, В. И. Лыткин). В последнее время преобладающей является точка зрения, согласно которой в прапермском языке в качестве алломорфов функционировали как суффикс **-śań* (< **-2ś* + лативный **ń*), так и **-2śen* (< **-2ś* + локативный **-na/*-nä*)⁷.

Относительно происхождения терминативного суффикса удм. *-озь/-озя-* ~ к.-з. *-ödz* в научной литературе также представлено несколько гипотез. В частности, одни ученые (Й. Буденц, Д. Бубрих, Т. И. Тепляшина, В. И. Лыткин и др.) происхождения формальных показателей предельного падежа в пермских языках возводят к самостоятельной лексеме. Согласно другой гипотезе, терминативные суффиксы в пермских языках представляют собой сложное образование. Так, по мнению Б. А. Серебренникова, составляющими единицами данного маркера могут быть лативный **-ō*, **-e* + лативный **-ś*⁸. В современной уралистике существует еще одна гипотеза относительно происхождения морфологических маркеров предельного падежа, которая поддерживается большинством современных лингвистов (данную точку зрения разделяют, в частности, Р. Бартенс, К. Редеи, Ш. Чуч и др.). Согласно данной гипотезе, корни терминативного суффикса в пермских языках следует искать в суффиксе финно-угорского происхождения **-ć(V)*;

е) как и большинство других падежных аффиксов удмуртского языка, пролативные маркеры *-etü/-этү*, *-ytü*, *-tütü*, скорее всего, имеют общепермское происхождение и, с точки зрения диахронии, представляют собой результат слияния уральского аблативного **-tV* и финно-угорского латива на **-j*. Учитывая, что суффикс пролатива в удмуртском языке имеет морфонологическое чередование *-ы // -e/-э* (типа *нюлэскытй* 'по лесу, через лес' ~

⁷ См. об этом подробнее: Некрасова, Г. А. Вежлög перым кыввясын: Пертас, вежörтас, артманног: Велöдчан небöг [Текст] / Г. А. Некрасова. – Сыктывар, 2004. – С. 95.

⁸ См. об этом подробнее: Серебренников, Б. А. Историческая морфология пермских языков [Текст] / Б. А. Серебренников. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 61.

гуртэмй 'по деревне, через деревню'), напоминающее аналогичное чередование современного иллатива, кажется возможным, что, с точки зрения диахронии, указанные элементы *-ы* ~ *-е/-э* в структуре исследуемого маркера представляют собой конечную гласную основы;

ж) среди падежных форм литературного удмуртского языка, имеющих общепермское происхождение, самым последним формируется падеж адвербиаль, который успел закрепиться в качестве падежной формы только в структуре удмуртского языка. В финно-угроведении имеются различные точки зрения как о времени возникновения данного маркера, так и о его структуре. В частности, В. И. Лыткин и авторы коллективного труда «Основы финно-угорского языкознания» (1976) формирование показателя соответственного падежа относят к периоду самостоятельного развития удмуртского языка. Однако, наличие исследуемого маркера в структуре отдельных послеложных и адвербиальных форм коми языков позволяет сделать выводы, что начало формирования семантической структуры и морфологического выражения удмуртского соответственного падежа можно возводить уже к концу общепермского периода. В диссертационном исследовании приведены как традиционные точки зрения относительно формирования и развития удмуртского адвербиала, так и представлена авторская концепция развития исследуемого показателя;

з) происхождении морфологического маркера абессива *-тэк* – это результат слияния каритивного суффикса *-t-* (генетически восходящего к уральскому каритивному суффиксу $*-pt(V) > *-tt(V)$) и коаффикса *-k*, который является предметом бурных научных дискуссий в исторической уралистике. Так, одни исследователи коаффикс *-k* считают словообразовательным суффиксом и возводят его к финно-угорскому $*-k$ или $*-\eta k$. В частности, Й. Синнеи, рассматривая элемент *-g* в отглагольных формах венгерского (*-atag, -eteg*), коми-зырянского (*-ig*) и удмуртского языков (*-tek*), а также элемент *-ηk-* инфинитивных форм мансийского языка, приходит к выводу о генетических связях исследуемых форм и воз-

водит их к словообразовательному суффиксу **-ŋk ~ *-ŋg*⁹. С точки зрения П. Н. Перевощикова, рассматриваемый элемент в структуре абессивных и деепричастных форм удмуртского языка следует соотносить со словообразовательным суффиксом, который представлен в таких словоформах¹⁰, как *путьэ* ‘трещина, щель’, *кесэ* ‘отрезок’, *шапык* ‘капля’, *кежег* ‘спешка, суета’ и др. Однако, как на уровне фонетики, так и на уровне семантики данная гипотеза вызывает ряд сомнений.

А. И. Емельянов, вслед за венгерским исследователем Э. Беке, проводит генетические параллели между элементом *k* в структуре абессивного суффикса и деепричастным суффиксом на *-ку*. К аналогичным выводам – но уже с выявлением лативного характера второго элемента – приходят Т. И. Тепляшина и В. И. Лыткин: «суффикс лишительного падежа *-tek* состоит из финно-угорского каритивного суффикса **-tta* и лативного суффикса **-k*, посредством которого образуются отглагольные имена (деепричастия) на *-k // -g* (удм. *мыныку* // к-з. *мунигөн* ‘когда шел’)»¹¹ Следует заметить, что именно эта гипотеза – или возведение второго элемента в морфологической структуре пермского абессива к лативному суффиксу **-k* – получила наибольшее признание в современном финно-угроведении. Сохранение данного коаффикса в ауслатной позиции, скорее всего, можно объяснить его дистинктивной функцией, которая проявляется в двух рядах противопоставлений: (а) в оппозиции типа *дунтэм* ‘дешевый’ ~ *дунтэк* ‘бесплатно’, *коркатэм* ‘бездомный’ ~ *коркатэк* ‘без дома’ и др. Данное разграничение, которое строится на синтагматических отношениях (употребление в приименной/привербальной

⁹ *Szinnyei, J.* Egy finnugor deverb. névszóképző [Текст] / Szinnyei J. // NyK. – 1923–27 (46). – Ol. 161–167.

¹⁰ См. подробнее: *Перевощиков, П. Н.* Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке [Текст] / П. Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – С. 53.

¹¹ Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки [Текст] / АН СССР. Ин-т языкозн. – М: Наука, 1976. – С. 149.

позиции), характерно и для системы современного удмуртского языка. В этом контексте удмуртский абессив является единственной падежной формой, которая употребляется только в приглагольной позиции (в отдельных случаях может также употребляться в предикативной функции в контексте с именными формами). Несмотря на невысокую дистрибутивную нагрузку и семантическое однообразие удмуртского абессива, данная падежная форма занимает активную позицию в падежной парадигме удмуртского языка, т. к. находит поддержку в аналогичном противопоставлении отглагольных форм: *вераськисьтэм адыми* 'неразговорчивый человек' ~ *вераськытэк пукыны* 'сидеть молча (букв. не разговаривая)' и др.; (б) в противопоставлении двойного и одинарного отрицания в контексте с лексемами с темпоральным значением: *Выны гужемтэк ёз вуы* 'Мой младший брат не вернулся, пока не наступило лето' ~ *Туэ пось гужемтэк кылим* 'В этом году остались без знойного лета'. Как можно заметить, именно в случае двойного отрицания более четко прослеживается лативное значение абессивного маркера, которое в грамматической системе удмуртского языка также представлено в структуре отглагольных форм;

и) в системе словоизменения удмуртских диалектов ряд падежных маркеров образовался в период самостоятельного развития удмуртского языка. В частности, это относится к новой серии приблизительно-местных падежей с показателем *-н'*, препозитивно присоединяемым ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива, которая сформировалась в системе словоизменения отдельных северных говоров и бесермянского наречия: напр.: *-н'ън* ~ *н'ын* (инессив II), *-н'э* (сев.) (иллатив II), *-н'ъс'* ~ *н'ыс'* (элатив II), *-н'ъс'эн* ~ *н'ыс'эн* (эгрессив II), *-н'ът'и* ~ *н'ыт'и* (пролатив II), *-н'оз'* (терминатив II). Относительно происхождения элемента *-н'* в научной литературе представлены различные гипотезы. В частности, с точки зрения А. И. Емельянова, формант *-н'э* в указанных падежных формах восходит к послелогу отсубстантивного происхождения *ин* 'место' + падежное окончание. Однако, большинство исследователей происхождения показателя *-н'* связывает с послеложными формами с основой *дин'* 'у, около, возле, при',

которые, в свою очередь, сформировались от имени существительного *дин'* 'основание, комель; близость, околица' (см. исследования Ю. Вихманна, Т. И. Тепляшиной, В. К. Кельмакова, Л. Л. Карповой и др.).

Таким образом, современная падежная парадигма удмуртского языка представляет собой продукт длительного исторического пути развития.

Четвертая глава «**Именная количественность в удмуртском языке**» посвящена описанию способов выражения количественных отношений в современном удмуртском языке: рассматривается оппозиция «единственное – множественное число» имен существительных; выявлены принципы дистрибуции абсолютива. На материале примеров из художественной литературы исследуется характер взаимодействия морфологических признаков категории числа с признаками логико-семантического порядка.

В современном удмуртском языке морфологическая категория числа имен существительных как словоизменительная грамматическая категория выражается в системе двух противопоставленных рядов форм – единственного и множественного числа. Следует однако подчеркнуть, что «единственность/множественность» как бинарный признак морфологического уровня структуры языка не всегда совпадает с «единственностью/множественностью» логико-семантического порядка. Так, в отношении асимметрии могут вступать: (а) морфологическая «единственность» с «множественной субстантностью» как совокупным логико-семантическим признаком, или: (б) морфологическая «множественность» с логико-семантическим комплексом «единственная/парная субстантность». Учитывая вышесказанное, в первом разделе «*Единственное число как член бинарной оппозиции единственное число – множественное число. Абсолютив*» подчеркивается, что единственное число как член морфологического противопоставления «единичность/множественность» в современном удмуртском языке характеризуется отсутствием формальных показателей: *Гурезь ъ йылын ик, сюресъ дурын, вӧл-вӧл вож куаро бадяръ сылэ*. 'На пригорке у дороги растет раскидистый клен с зеленой листвой'.

Обозначение единичности в противоположность множественности – основное значение форм единственного числа в данной оппозиции: *Собере, ас дуннеяз усъыса, [Юра] контора юртѠ пала вამыштӥз*. ‘Затем, погрузившись в свои мысли, [Юра] пошел к зданию конторы’. Ср.: *Тэль кузяна чуренак кыстӥсько из юртѡс*. ‘Вдоль леса в ряд выстроены каменные дома’.

Формы единственного числа могут указывать также на родовое множественное: *Отӥяз сардаѠ, колысѠ жужало*. ‘Затем всходят сныть, борщевик’; *Собере ожогубиѠ потэ*. ‘Затем вырастают луговые опята’. В этом случае употребление имени числительного *одӥз* ‘один’ или его формы, маркированной указательно-выделительным суффиксом *-ез/-эз*, указывает на подчеркнутую единичность: *Одӥз пилем гинэ йыромем отчы [инбаме]*. ‘Только одно облако заблудилось [на небе]’; *Одӥзэ нингубиез сиисько ке, кӧт тыре*. ‘Как только съем один груздь, сразу наедаюсь’.

В диахронии имена существительные без формальных показателей множественного числа, по-видимому, можно рассматривать как немаркированную форму в отношении признака количественности, т. к. для уральского праязыка было характерно использование абсолютного числа (см., в частности, об этом труды К. Е. Майтинской, Б. А. Серебренникова, М. Кёвеша и др.).

Грамматическая категория числа в удмуртском языке существенно отличается от исследуемой категории русского языка. Здесь (в удмуртском языке) форма единственного числа имен с лексической семантикой «единичного», т. е. имен, обозначающих конкретные, считаемые объекты, более нейтральна по отношению к выражению ею оппозиций единичного/общего, конкретного/собираемого и может иметь в качестве денотата как один конкретный объект, так и класс однородных (однородных) объектов, начиная с двух (парные предметы), в зависимости от контекста. Например, *сапег* ‘сапог’ может означать один конкретный сапог (*сапегме ыштӥ* ‘потерял сапог’), пару сапог одного человека (*сапегме миськи* ‘свои сапоги помыл’) или сапоги вообще (*базарын сапег вузало* ‘на базаре продаются сапоги (букв. сапог)’).

Таким образом, функционирование форм единственного/множественного числа в удмуртском языке имеет контекстуальную

обусловленность. В связи с этим в исследуемом языке нет основания разграничивать группы слов *singularia-* и *pluralia tantum*, а гораздо целесообразнее говорить о стратегиях *singularia tantum*. Преимущество данного термина заключается в том, что он не обязывает распределять имена существительные с точки зрения лексико-морфологического выражения на разные семантические группы в отношении выражаемой количественности, а позволяет подходить к рассматриваемому вопросу с точки зрения прагматического аспекта, выражающего отношение между носителем информации и его функцией, т. е. отношение между употреблением высказывания и его результатом; иными словами, он позволяет рассматривать каждое словоупотребление с учетом реального контекста, поскольку грань между континуальными и дискретными характеристиками не является абсолютно жесткой. К примеру, слово *улмо* 'яблоко' может употребляться как в вещественном значении – и тогда употребляются конструкции со значением сегментации (*кык кило улмо басьтыны* 'купить два килограмма яблок'); так и в дискретном значении (*куинь улмо басьтыны* 'купить три яблока').

Как показывают примеры из художественной литературы, к именам существительным, тяготеющим к стратегии *singularia tantum*, в удмуртском языке относятся те же самые семантические группы слов, что и во многих других языках мира:

а) названия уникальных объектов: *шунды* 'солнце', *толэзь* 'луна, месяц', *инбам* 'небо' и др. *Шунды вылэ но вылэ тубе*. 'Солнце поднимается все выше и выше'; *Инбам пумен пильмаське*. 'Небо постепенно заволакивает облаками'. Как отмечает А. Е. Кибрик, «имена, обозначающие уникальные объекты, естественным образом имеют дефектную парадигму с иконическим единствен-ным числом»¹²;

б) гомогенные субстанции без естественного способа членения на составляющие их совокупности: *ву* 'вода', *омыр* 'воздух', *цын* 'дым', *тузон* 'пыль', *суй* 'земля', *пень* 'зола', *азвесь* 'сереб-

¹² Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка [Текст] / А. Е. Кибрик. – С.-Пб.: Алетейя, 2005. – С. 255.

ро', туй 'бронза' и т. д.: *Котырез копак цын басьтһз*. 'Все вокруг заволокло дымом'. К этой же группе слов принято относить лексемы, указывающие на продукты питания: *Пксь куазен йкл туж чаляк чырса*. 'В жаркую погоду молоко быстро скисает'; *Пызь мертам бере, Гаян гурт йырзылы начальникъёс лыктэм сярысь вераз*. 'После того как муку взвесили, Гаян сообщил главе села о том, что приехали начальники';

в) названия группы однородных объектов (растений, насекомых, грибов, предметов и др.), составляющих в совокупности массу: *кей* 'моль', *векчи кут* 'мошкара', *куак* 'кустарник', *сюрел* 'цветочная пыльца' и др.: *Саранча уллё ортчем бере кадь котырын*. '[Вокруг ни травинки], словно прошла саранча'; *Куак пкльсь потй но ури-бери гурезь уллань васькыны кутски*. 'Я вышел из-за кустов (ед.ч.) и помчался вниз под горку';

г) концепты растительного мира: злаки, растения, овощи, фрукты, деревья): *Льоген ю-нянь утялтыны потозы – бер лытозь улэ отын*. 'Подождите там до вечера: скоро выйдут убирать хлеба (ед. ч.)'; *Гужем туж шулдыр. Сомында улмо, слива, виноград, груша*. 'Летом здесь очень хорошо. Вокруг столько яблок (ед. ч.), слив (ед. ч.), винограда, груш (ед. ч.)';

д) объекты, описывающие физические свойства среды. Чаще всего они также концептуализируются как несчетные имена и имеют тенденцию к дистрибуции в форме единственного числа: *тол* 'зима', *гужем* 'лето', *тулыс* 'весна', *сйзьыл* 'осень', *куазь* 'погода', *зор* 'дождь', *тыл* 'огонь', *тёл* 'ветер' и др.: *Сырдам тыл, кабаньсь кабанэ тэтчаса, крепость пала мынэ*. 'Разгоревшийся огонь идет в сторону крепости, перекидываясь с одной скирды на другую';

е) имена существительные, указывающие на психофизиологическое состояние/ощущения человека: *яратон* 'любовь', *куректон* 'печаль', *шуд* 'счастье', *чидан* 'терпение' и др.: *Кужым нои весь уг быры*. 'А силы все не кончаются'; *Трос малпанъёс сюпсизы сюлэмез: яратон но вожпотон, оскон но супыльтон*. 'Разные думы его одолевали (букв. глодали сердце): любовь и злоба, надежда и сплетни (ед. ч.)'.

Все указанные группы существительных в традиционном понимании могут поддаваться измерению, но не счету (как в случае с дискретными предметами). Для того, чтобы подобные имена подвергнуть количественному измерению, как и в других языках, в системе удмуртского языка активно используются нумеративы или послеложные конструкции: *Ккня ке дыр ортчыса, Петя пальпотйсь ымныро луиз, кияз – лыны черык аръянэз*. ‘Спустя некоторое время на лице Пети появилась улыбка, в руках он держал банку, наполненную наполовину простоквашей’; *Мын ай, бакча берысьтымьы ог кык йыр коть кубиста пырты*. ‘Иди, принеси из-за огорода хотя бы два кочана капусты’; *Ярам, гид тыр пудо вордиськомьы, гулбеч тыр картошкамьы*. ‘Да ладно, в хлеву полно скотины (букв. растим полный хлев скотины), в подполье – картошки (букв. целое подполье картошки)’.

Как уже неоднократно отмечалось, имена существительные, тяготеющие к стратегии *singularia tantum*, чаще всего характеризуются дистрибуцией в форме единственного числа, но они могут иметь и формы множественного числа. В этом случае имена существительные в форме множественного числа приобретают дополнительные семантические характеристики, в частности, от лексем, указывающих на вещественные субстанции, образуются интенсификаты, включающие сему «значительность», «большое количество»: *Нош кыце умой вылэм лысвую гудждоръ вылын погылляськыны*. ‘Оказывается, как хорошо валяться на покрытой росой траве’. Ср.: *Шуньт зор бере вож-вож гуждоръёс лужазы*. ‘После дождя травы зазеленели’.

Таким образом, сингулярные формы абстрактных существительных не следует считать стилистически закрепленными. Анализ языкового материала показал, что появление у абстрактных/вещественных существительных форм множественного числа обусловлено не столько стилистически (то есть внешними по отношению к слову факторами), сколько внутренними, семантическими причинами: реализацией семантического потенциала слова в определенном контекстуальном окружении. Как подчеркивает Л. Калинина, «семантика слова – это то, что выражается скрыто, имплицитно, но в итоге определяет и возможности сло-

воизменения, и коммуникативно-синтаксическое функционирование лексем»¹³.

Во втором разделе «Множественное число как член бинарной оппозиции «единственное число – множественное число» рассматриваются вопросы функционирования указанной категории с точки зрения синхронии и диахронии. Так, морфологическим показателем множественного числа в системе современного удмуртского языка является суффикс *-ос/-ёс*: *Веськрес кызьпуос муж дэрем дйсяло ни*. ‘Стройные березы надевают свои желтые наряды (ед. ч.)’; *Трос малтанъёс сюпсизы сюлэмез*. ‘букв. Разные мысли глодали сердце’.

В научной литературе представлен ряд гипотез, в которых прослеживается история развития морфологического маркера множественного числа в пермских языках. В частности, с точки зрения венгерских авторов Й. Буденца, Л. Хонти, К. Редеи, маркер множественного числа в пермских языках возник из самостоятельной лексемы коми *jez* ~ удм. *joz* ‘Gelenk, Altergenosse’, ‘народ, люди’¹⁴. По мнению другого венгерского ученого Ш. Чуча, гипотезу которого поддерживает и автор данной диссертационной работы, маркер множественного числа в пермских языках возник из самостоятельной лексемы *jäse* нем. ‘Gelenk’, рус. ‘член (группы)’, подвергшейся в дальнейшем расширению семантического значения¹⁵.

¹³ Калинина, Л. В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 58.

¹⁴ См. об этом: Honti, L. Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) [Текст] / L. Honti // FUF. – 1997 (54). № 1–2. – С. 82; Rédei, K. A zürén *-jas* stb. és a votják *-jos* többesejel eredetéhez [Текст] / K. Rédei // NyK. – 1963 (65). – 374–375 ol.; Rédei, K. Geschichte der permischen Sprachen [Текст] / K. Rédei // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). – Leiden–New York–København–Köln, 1988. – С. 351–394.

¹⁵ См. об этом: Csúcs, S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache [Текст] / S. Csúcs. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – Ol. 171–172.

Множественное число как член морфологического противопоставления форм единственного числа формам множественного числа обозначает, что лицо/предмет представлен(о) в количестве большем, чем один: *пиос* ‘мальчики’, *пуконъёс* ‘стулья’, *осъёс* ‘двери’, *пинъёс* ‘зубы’ и др. Его основным значением является обозначение расчлененной множественности предметов в противоположность их единичности: *Районысь усто колхозэн бусыяз комбайньёс жургето*. ‘На полях лучшего в районе колхоза работают трактора’; *А ми пока Нюрочкаен апельсинъёсты, яблокъёсты миськом*. ‘А мы пока с Нюрочкой будем мыть апельсины и яблоки’.

Кроме указания на множество дискретных предметов, граммема множественного числа в удмуртском языке обладает разнообразным спектром вторичных значений:

а) родовое множественное (с тем же значением, что и родовое единичное): *Чебересь сялберъёс, йырберазы такъязы вань*. ‘Красивы свиристели, на головах хохолки’. Ср.: *Тани нумырез басьтом. Сое тылобурдо сие, тылобурдоез кыце ке съксъ пкйшуур*. ‘Возьмем, к примеру, червяка. Его поедают птицы (ед. ч.), а птиц (ед. ч.) – звери (ед. ч.)’;

б) видовое множественное: ‘разные виды X-а’ или разные манифестации X-а (ср. вина, жиры, гадости, нежности и т.д.): *Со шоры пыр-поч учке тротуар сопалась винаен, сурен, сокъёсын, «сникерсъёсын» но маин вузкарьсь*. ‘На нее [на Нюру] пристальным взглядом смотрит торгующий вином, пивом, разными соками, сникерсами продавец’; *Мукет улонъёсты солэн пичи но утчамез уг поты*. ‘Ему совсем не хочется искать другой образ жизни (жизнь – мн. ч.)’;

в) эмфатическое множественное выражает ‘большое количество X-а (типа снега, пески, воды, леса)’: *Йкос вылтй туливитьёс кесяськыса ветло, солань-талань лобало*. ‘Над льдами взад-вперед пролетают кулики’; *Шукрес бызё та палан вуос*. ‘Здесь бушующие реки’;

г) ассоциативное (используются также термины репрезентативное, аппроксимативное и др.) множественное: ‘X и другие подобные ему объекты’. В этом случае речь идет о группе лиц,

назы-ваемых по одному из его представителей. Необходимо отметить, что в зависимости от контекста, здесь могут использоваться различные критерии для репрезентации групповой множественности.

Как показывают примеры из художественной литературы, при выражении репрезентативной множественности в удмуртском языке наиболее частотным является использование собственных имен: *Чипчирганъёс но гурт пала кошкизы*. ‘Чипчирган и его друзья направились в сторону дома’; *Секыт ядроос Камайёслэн йыр йылтйзы ук жуэтыса кошко*. ‘Тяжелые ядра со свистом пролетают над головами Камаю и его отряда’.

Основой для репрезентативной множественности могут служить также топонимы, микропонимы и различные аппеллятивы. В этом случае подчеркивается групповая множественность лиц, проживающих в указанном населенном пункте (местности): *Луд-ньиос, Кашабекъёс, Пирог гуртъёс, Юсьпиос – ваньмыз огкылысь кариськызы*. ‘Жители деревень Лудзя, Кашабеково, Пирогово, Юськи – все встали за одно’; *Мон ачим Уча палась но, Вылгаосыз автостанциысен тодмасько*. ‘Я сам со стороны Учи, но на автостанции вылгинских узнаю’.

При выражении репрезентативной множественности в качестве основы слова могут также использоваться термины родства и свойства: *Кузёос кунозэс кёлыны туж косо вал но, мужмуртъ-ёсыз ыштозы шуыса, Василий Николаевич уйин ини Вылгала бер-тйз*. ‘Хозяева упрасивали гостя остаться у них на ночь, но Ва-силый Николаевич не согласился и ночью отправился в Вылгу, чтобы его не потеряли дядя (по материнской линии) и его семья’; *Мон яратйсько Павол кудоос доры ветлыны*. ‘Я люблю ходить [в гости] к свату Павлу и его семье’.

Употребление форм множественного числа для выражения репрезентативной множественности в финно-угорских языках, помимо удмуртского языка, характерно лишь для марийского языка. В связи с этим данное языковое явление многие лингвисты определяют как тюркское влияние (в частности, Э. Беке, Р. Бартенс, Й. Луутонен).

Следует заметить, что при выражении именной количественности особое место занимают собирательные слова, указывающие на совокупность, целостность, неразделимость множественности. В системе современного удмуртского языка основную группу собирательных слов составляют парные слова, которые представляют собой сочетания двух имен, объединенных по способу сочинения и обозначающих, чаще всего, предметы одного порядка: *Гаян песьтэраз сиён-юон тыриз, вуж пукыц дасяз*. ‘Гаян в свой песерь собрал еды, приготовил старый лук’; *Тусьты-пуньызэ вунэ-тйиз нылаш*. ‘Девочка совсем забыла о своей посуде’.

В зависимости от семантических отношений между компонентами различаются следующие разновидности парных слов, имеющих собирательное значение:

а) оба компонента характеризуются близостью значений, обозначают предметы и явления одного и того же семантического круга, но не имеют между собой синонимических или антонимических отношений: *Зэмзэ вераса, газет-журнал кутылэме ик вунйиз ни*. ‘Честно говоря, я уже позабыл, когда в последний раз читал периодику (букв. газеты-журналы)’; *Со дэремзэ-штанизэ курткыз но урам кузя уллане кошкыз*. ‘Он встряхнул свою одежду (букв. рубашку-штаны) и пошел вниз по улице’;

б) компоненты парных слов по своему значению имеют противоположную семантику: *Ма... шйгзэ-кузьытсэ ёскалтоно-а, мар-а?*. ‘Что, надо попробовать [суп] на вкус (букв. пресность-соленость)’; *Уен-нуналэн пуны сямен бызьылйськод*. ‘Сутками (букв. днями-ночами) бегаешь как собака’;

в) парные слова, компоненты которых являются синонимами или близки по своему семантическому значению: *Гурт ськрысь нюлэскын льомо-югдо вакытэ пурьсялэс лымы пурье, собере нюк-гопъёс вамен каньылля гурт пала пельтэ*. ‘За деревней в лесу в сумерках разлетается сероватый снег, через лощины и овраги метет в сторону деревни’; *Учебникъёсья гинэ тодон-валан бичаны шуг*. ‘Сложно получить знания только из учебников’;

г) парные слова, один из компонентов в которых, с точки зрения синхронии, утратил свое семантическое наполнение: *Нош ик жуг-жаг ваизы, луоз*. ‘Наверное, снова привезли отходы’; *Со-*

ослэсь юртсэс асьсэ выжы-кумызы ик басьтїз вал. ‘Их дом купила своя же родня’.

Собирательное множество может быть выражено также с помощью сложных слов, содержащих в своей структуре более двух компонентов: *Соин ик, шоколад-пряник-камнет-улмо квкл, колбаса, йкльыл я мар сярись малпанэз но кї вал ни*. ‘Поэтому не только о сладостях и фруктах (букв. шоколаде-пряниках-конфетах-яблоках) не могло быть и речи, но и о колбасе и сметане пришлось позабыть’.

Кроме способа словосложения, собирательное множество в удмуртском языке выражается синтаксическими образованиями, в частности,

а) словосочетаниями, содержащими в своей структуре формы творительного падежа, например: *Корка пыра, Петя, эмезен чай юод*. ‘Зайди в дом, Петя, чай с малиной попьешь’; *Табере Галяен Ванялы куспазы номыр понна тэкишерыны, нукуртыны ни кадь*. ‘Теперь Ване с Галей, казалось бы, не о чем спорить, ворчать’;

б) послеложными конструкциями: *Агай атаен юш лок съорын нуко*. ‘Старший брат и отец (букв. вместе с отцом) сидят за столом’; *Зорен юш йк усе*. ‘Вместе с дождем выпадает град’;

в) с помощью соединительных союзов: *Тулыс – со яратон но уж, ортчемзэ тодэ ваён но шумпотон, арлэн самой шулдыр вакытэзө*. ‘Весна – это пора любви и труда, это воспоминания о прошлом и радость, это самая веселая пора’; *Маня но Оля Ижевскын медрабфакын юш дышетскизы*. ‘Маня и Оля вместе учились в Ижевском медрабфаке’ и др.

Говоря о функциональной нагрузке показателя *-ос/-ёс* в системе современного удмуртского языка, следует отметить, что данный маркер не всегда является словоизменительным суффиксом. В ряде случаев он обладает словообразовательным значением. Так, сочетание словообразования с формообразованием характерно для следующих случаев:

а) при образовании имен существительных:

- от имен прилагательных: *мйыос* ‘взрослые’, *егитъёс* ‘молодежь’, *гордьёс* ‘красные’, *төдьыос* ‘белые’, *узыръёс* ‘богатые’: *Пичиослы ватскемен но шудыны луоз*. ‘Детям можно поиграть и в

прятки»; *Ми, пичи пиос но нылъёс, бадъымъёслы быгатэммыя юрттыны тыршылым*. 'Мы, девочки и малчики, по возможности старались помогать взрослым';

- от причастных форм: *Урам палась кык вамышьясъёс адскизы, соос но лъкк пала кариськизы*. 'Со стороны улицы появились два человека (букв.: двое шагающих), они тоже подошли к столу'; *Ужысь бертійсьёс ккня ке чалмыт вамышьязы*. 'Возвращающиеся с работы [люди] немного прошагали молча';

- от местоименных основ: – *Я, кыце милямъёс пкраны?* – *ушьясъкись муртлэн куараеныз юаз Ишан*. '– Ну и как наши умеют готовить? – довольным голосом спросила Ишан (имя персонажа)'; *А ведь котькуд ми шуон уно монъёслэсь люкаське*. 'А ведь любое «мы» состоит из множества «я»';

- от послеложных основ: *Тани вал вылынъёс кык сюресчиос доры вуизы*. 'Вот всадники (букв. те, кто на конях) приблизились к двум путникам';

б) в случае интерференции русского языка: *Ортчизы ватонъёс*. 'Прошли похороны'; *Мылкыд карисьёс палэзьянь пыжозы, юзматійсь юонъёс пуктозы*. 'Желающие испекут из плодов рябины пироги, приготовят прохладительные напитки'; *Концерт бере эктонъёс кутскизы*. 'После концерта начались танцы'; *Ма, такем ой но жуммысалзы соос, ыштонъёс ожытгес луысалзы*. 'Они [механизаторы] так бы не уставали, и потерь было бы меньше'; *Со нунал быръёнъёс вал*. 'В тот день были выборы'.

Таким образом, содержательная функция категории числа, основанная на количественном различении предметов и сводимая к квантитативной актуализации имени, в удмуртском языке в ряде случаев имеет факультативное выражение. Важными характеристиками употребления имени существительного по отношению к числовым характеристикам является контекст, поскольку ни морфологический, ни синтаксический критерии не позволяют четко разграничивать имена существительные с точки зрения числового распределения.

В **Заключении** подводятся основные итоги и перспективы исследования, делаются общие выводы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

I. Монографии:

(1) Кондратьева, Н. В. Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта) [Текст] / Н. В. Кондратьева – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2010. – 247 с.

(2) Кондратьева, Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева / – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2011. – 256 с.

(3) Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке / Н. В. Кондратьева / – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2011. – 152 с.

II. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

(4) Кондратьева, Н. В. Роль пространственных падежей в выражении темпоральных отношений в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 9. – С. 162–167.

(5) Кондратьева, Н. В. О влиянии синтаксических единиц текста на морфологическую маркировку винительного падежа в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 157–161.

(6) Кондратьева, Н. В. Выражение пространственных отношений в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Урало-Алтайские исследования. – 2010. – № 1 (2). – С. 5–16.

(7) Кондратьева, Н. В. К вопросу о грамматической категории числа имен существительных в удмуртском языке [Текст] /

Н. В. Кондратьева // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. – 2010. – Вып. 2. – С. 92–101.

(8) Кондратьева, Н. В. Способы передачи семантических значений удмуртского инструментального падежа на финский язык [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 7 (188). – С. 78–81.

(9) Кондратьева, Н. В. Семантическая структура родительного падежа в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (14). – С. 129–133.

(10) Кондратьева, Н. В. Межкатегориальные связи глагольной и именной количественности в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 6. – С. 58–64.

(11) Кондратьева, Н. В. ИЛЛАТИВ или ТЕРМИНАТИВ?.. К вопросу о семантической структуре входного и предельного падежей в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2011. – Вып. 1. – С. 163–168.

(12) Кондратьева, Н. В. К вопросу о явлении двупадежности в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. – 2011. – Вып. 2. – С. 111–117.

III. Учебно-методические пособия:

(13) Кондратьева, Н. В. Удмуртский язык: начальный курс: Учеб. пособие для студентов гуманит. факультетов [Текст] / Н. В. Кондратьева, Л. П. Федорова. – Ижевск, 2004. – 97 с. (авторство – 50 %).

(14) Кондратьева, Н. В. Введение в финно-угорскую филологию: Учебно-методический комплекс = Финн-угор кылосбуре пыртон: Амалтодослыко-дышетскон комплекс [Текст] / Н. В. Кондратьева, Н. А. Сергеева. – Ижевск, 2010. – 105 с. (авторство – 50 %).

IV. Статьи в зарубежных изданиях:

(15) Kondratieva, N. Udmurtin kielen käyttö nyky-yhteiskunnassa [Текст] / N. Kondratieva // Kirändüs/kill veidembüsen = Kirjandus/keel vähemuses: Minority Literature/Language. – Võro: Võro Instituut, 2009. – S. 90–97.

(16) Kondratyeva, N. V. Udmurtin kielen nykytila [Текст] / N. V. Kondratyeva // Kielioppi ja konteksti: uusia näkökulmia uralilaisten kielten tutkimukseen II = Grammar and Context, New Approaches to the Uralic Languages II. Helsinki 27.–29.8.2007. – Helsinki, 2007. – S. 51–52.

(17) Kondratyeva, N. V. Category of Substantive Number in Udmurt [Текст] / N. V. Kondratyeva // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum: Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. – Piliscsaba, 2010. – P. 2. Summaria acroasium in sectionibus. – P. 38.

V. Статьи в различных изданиях:

(18) Кондратьева, Н. В. Особенности выражения прямого объекта в удмуртском языке в зависимости от характера глагола и объекта [Текст] / Н. В. Кондратьева // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. ст. / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2000. – С. 100–102.

(19) Кондратьева, Н. В. Употребление аккузатива для выражения дуративных отношений [Текст] / Н. В. Кондратьева // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т. Каф. коми и финно-угор. языкозн. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2001. – С. 138–140.

(20) Кондратьева, Н. В. К проблеме употребления оформленного и неоформленного винительного падежа в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вордском кыл. – 2001. – № 6. – С. 18–21.

(21) Кондратьева, Н. В. К проблеме определенности/неопределенности в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Меж-дунар. симп. по дейктическим системам и квантификации в

язык-ках Европы и Северной и Центральной Азии / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2001. – С. 109–110.

(22) Кондратьева, Н. В. К вопросу об употреблении винительного падежа в удмуртских письменных памятниках XVIII–XIX веков [Текст] / Н. В. Кондратьева // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т. Каф. удмурт. языка и методики его преподавания. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. – С. 255–261.

(23) Кондратьева, Н. В. Семантические функции падежа прямого объекта в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. – Петрозаводск, 2002. – С. 235–239.

(24) Кондратьева, Н. В. К проблеме дистрибуции маркированного/немаркированного аккузатива в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Научные издания Венгерского колледжа III. – М.: Валанг, 2002. – С. 216–222.

(25) Кондратьева, Н. В. Влияние темо-рематических отношений на морфологическую маркировку удмуртского аккузатива [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник Удмуртского университета. – 2002. – № 7. – С. 158–163.

(26) Кондратьева, Н. В. К вопросу о количестве залогов в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Язык, литература, культура: диалог поколений: Сб. ст. – М.–Чебоксары, 2004. – С. 227–231.

(27) Кондратьева, Н. В. Особенности употребления числовых форм имен существительных в современном удмуртском литературном языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Мат-лы V Междунар. симпозиума по языкам народов Поволжья / Удм. гос. ун-т. Фак-т удмурт. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004. – С. 150–155.

(28) Кондратьева, Н. В. О первых печатных книгах на удмуртском языке 1847 года издания [Текст] / Т. Р. Зверева, Н. В. Кондратьева // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Мат-лы V Междунар. симпозиума по языкам народов Поволжья / Удм. гос. ун-т. Фак-т удмурт. филол. Каф. общ. и

финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004. – С. 322–326. (авторство – 50 %).

(29) Кондратьева, Н. В. К истории изучения удмуртского винительного падежа [Текст] / Н. В. Кондратьева // Проблемы и перспективы развития восточных финно-угорских народов: Мат-лы науч.-практ. конф. «Функционирование языков и состояние этно-культуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития» (4–7 июля 2003 г., Саранск) – Саранск, 2004. – С. 242–250.

(30) Кондратьева, Н. В. Удмуртский язык в системе образования [Текст] / Н. В. Кондратьева // Проблемы и перспективы функционирования родных языков: к 85-лет. государственности УР: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 25–28 окт. 2005 г. / Мин-во нац. политики УР; НИИ нац. образования УР; Отв. ред.: З. В. Суворова, Г. Н. Васильева. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 206–211.

(31) Кондратьева, Н. В. Туала удмурт кылысь каронтус каблэн пкрмемез но кутӥськемез [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник УдГУ. Сер. Филологические науки. – 2007. – Вып. 5. – Часть 1. – С. 25–34 (на удмурт. яз.).

(32) Кондратьева, Н. В. Семантические возможности падежа инструменталь в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Язык, литература, национальное образование: диалог культур и поколений: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., посв. 80-летию со дня рожд. канд. филол. наук, проф. Ф. К. Ермакова (24 окт. 2007 г.) / Ин-т повыш. квалификации и переподгот. работников образов. УР; УдГУ; Удмурт. гос. нац. гимназия им. К. Герда. – Ижевск : Изд-во ИПК и ПРО УР, 2008. – С. 46–51.

(33) Кондратьева, Н. В. О роли падежных форм в выражении временных координат (на материале удмуртского и финского языков) [Текст] / Н. В. Кондратьева // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. – М., 2009. – С. 218–220.

(34) Кондратьева, Н. В. Морфолого-семантическая структура лишительного падежа в современном удмуртском языке (в сопоставлении с финским абессивом) [Текст] / Н. В. Кондратьева // Актуальные проблемы сопоставительной типологии: Сб. ст.:

Междунар. науч.-методич. конф. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 43–47.

(35) Кондратьева, Н. В. Семантическая структура дательного падежа в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации): Сб. мат-лов Всерос. науч. конф. / Сост.: А. Е. Загребин, В. В. Пузанов; ГОУВПО «УдГУ». – Ижевск: Удм. ун-т, 2009. – С. 719–725.

(36) Кондратьева, Н. В. О роли падежных форм в выражении пространственных отношений в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: мат-лы IV Всерос. конф. финно-угроведов (17–20 нояб. 2009, Ханты-Мансийск); Отв. ред. Т. В. Волдина. – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 75–78.

(37) Кондратьева, Н. В. Роль симпозиума по пермским языкам в развитии удмуртского языкознания [Текст] / Н. В. Кондратьева // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Мат-лы 10 Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., г. Ижевск) / ГОУВПО «УдГУ». Каф. общего и финно-угор. языкозн.; Отв. ред. В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. – С. 65–68.

(38) Кондратьева, Н. В. Туала удмурт кылысь залог каблэн пкрмемез но кутӥськемез [Текст] / Н. В. Кондратьева // Вестник Удм. ун-та. Сер. История и филология. – 2009. – Вып. 1. – С. 73–86. (на удмурт. яз.).

(39) Кондратьева, Н. В. Система пространственных падежей в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Многоязычие в образовательном пространстве: Сб. ст. к 60-летию проф. Тамары Ивановны Зелениной: в двух частях / ГОУВПО «УдГУ». Ин-т иностр. яз. и лит. (ИИЯЛ), Науч.-образоват. центр (НОЦ), «Инновац. проектирование в мультилингв. образоват. пространстве»; Под ред.: А. Н. Утехиной, Н. М. Платоненко, Н. М. Шutowой. – М.: Флинта; Наука, 2009. – Часть. 1. – С. 176–181.

(40) Кондратьева, Н. В. Семантическая нагрузка соответственного падежа в современном удмуртском языке [Текст] /

Н. В. Кондратьева // Проблемы филологии народов Поволжья: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. (19–21 марта 2009 г.) / Отв. ред. А. Т. Сибгатуллина. – М.–Ярославль: Ремдер, 2009. – Вып. 3. – С. 99–102.

(41) Кондратьева, Н. В. Инессив в системе пространственных падежей современного удмуртского языка [Текст] / Н. В. Кондратьева // Проблемы филологии народов Поволжья: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. (1–2 апреля 2010 г.): Сб. ст. / Московск. пед. гос. ун-т; Отв. ред. д.ф.н., проф. А. Т. Сибгатуллина.– М.–Ярославль: Ремдер, 2010. – Вып. 4. – С. 155–158.

(42) Кондратьева, Н. В. Семантическая структура пролатива в пермских языках [Текст] / Н. В. Кондратьева // Обучение родному языку в полиязычном пространстве: Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (10–11 февр. 2010): Сб. ст.; Отв. ред. Скопкарева С. Л. – Ижевск: Проект, 2010. – С. 101–104.

(43) Кондратьева, Н. В. Семантическая структура отдалительного падежа в современном удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Проблемы филологии народов Поволжья: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. (7–9 апреля 2011 г.): Сб. ст. / Московск. пед. гос. ун-т; Отв. ред. д.ф.н., проф. А. Т. Сибгатуллина.– М.–Ярославль: Ремдер, 2011. – Вып. 5. – С. 141–147.

(44) Кондратьева, Н. В. К вопросу происхождения абессивного суффикса в удмуртском языке [Текст] / Н. В. Кондратьева // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. – Вып. 2. – С. 7–13.

Типография Удмуртского государственного университета
426034, г. Ижевск, ул. Университетская 1, корп. 4

